

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-605-627

Заметки о русском числе

Е.В. Рахилина¹, А.К. Казкенова²

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт русского языка имени В.В. Виноградова
Российской академии наук
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; 119019,
Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

²Казахский национальный педагогический университет
имени Абая
050010, Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, 13

Аннотация

Статья посвящена хорошо известной проблеме выбора грамматических маркеров: верно ли, что этот выбор мотивирован семантически. Объектом нашего исследования стало распределение числовых форм в русском языке. О языковой специфичности правил выбора показателей русского числа одной из первых писала Анна Вежбицкая, сопоставляя русскую систему с системами других языков, прежде всего английского и польского (Wierzbicka 1988). В ее модели разница, которая наблюдается в употреблении числовых форм даже у близких по своей семантике имен — в том числе представляющих один и тот же таксономический класс (например, предметы мебели, или овощи, или посуду и др. под.) и встречающихся в одном и том же контексте — всегда мотивирована. Она определяется семантикой этих имен, точнее функциональными различиями соответствующих им объектов внешнего мира. В определенном смысле данная статья продолжает и развивает этот семантический подход, подхваченный затем другими специальными исследованиями по русскому числу (Поливанова 1997; Ляшевская 2004а и др.), однако на совершенно ином материале. Мы исследуем узус числовых форм у таких нестандартных носителей русского языка (Mustajoki, Protassova & Vakhtin 2010), как билингвы. В нашем случае это студенты крупных алматинских университетов, давно и хорошо говорящие по-русски, родным языком которых является казахский. Собранный и обработанный нами корпус текстов таких билингвов объемом 60000 слов является частью Русского учебного корпуса (RLC), который позволяет отслеживать в помещенных туда текстах отклонения от стандартной языковой нормы. Они представляют немалый интерес для лингвистической теории — прежде всего как источник примеров взаимодействия и взаимовлияния таких разных по своей структуре языков, как русский и казахский. Главная цель нашей работы — показать, что отклонения в числовом поведении имен в текстах билингвов не случайны, а мотивированы. Они подчинены определенным семантическим стратегиям, которым следуют эти «нестандартные говорящие», апеллирующие одновременно к двум языковым системам. В статье будет также показано, что отклонения от общепринятого узуса, то есть нарушения стандартных правил русской грамматики, которые мы наблюдаем на материале учебного корпуса, позволяют уточнить и сами эти правила, даже в такой хорошо изученной области, как распределение числовых показателей.

Ключевые слова: грамматическая семантика, русское число, билингвизм, грамматика ошибок, Русский учебный корпус

Notes on Russian Number

Ekaterina V. Rakhilina¹ & Aimgul K. Kazkenova²

¹National Research University Higher School of Economics;
V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000, Russia;
Volkhonka str., 18/2, Moscow, 119019, Russia

²Abai Kazakh National Pedagogical University
Dostyk ave., 13, Almaty, 050010, Kazakhstan

Abstract

The paper deals with a well known problem of the distribution of grammatical markers within a certain category and whether this distribution is motivated semantically or not. It discusses the choice of singular and plural forms of nouns in Russian texts. Anna Wierzbicka was one of the first to recognize that the rules which regulate the usage of number markers in Russian are language-specific. She compared the Russian system with the systems of other languages, mainly, English and Polish (cf. Wierzbicka 1988). According to her theoretical assumptions, the difference of the linguistic behaviour of singular and plural forms is always semantically motivated, even if the corresponding nouns represent the same taxonomic class and occur in the same context (like different pieces of furniture, or kinds of vegetables, or types of dishes, etc.). The difference is always determined by the semantics of nouns and the typical functions of the extralinguistic objects they encode. This approach has been pursued by a number of scholars (see: Polivanova 1997; Lyashevskaya 2004a and others). Our paper develops this approach further on the basis of very different data. We take our data from texts written by nonstandard speakers of Russian (as defined by Mustajoki, Protassova & Vakhtin 2010) who are bilinguals. In our case these are students of the major universities in Almaty, who speak Russian fluently and acquired it long before entering university, having Kazakh as their native language. We have gathered and tagged a corpus of bilingual texts of this kind containing 60 000 tokens. This is a part of the Russian Learner Corpus (RLC) which facilitates identification of deviations from standard Russian. The analysis of these deviations is of particular interest for linguistic theory, since they provide cases of interference and interaction for languages of very different structure, such as Russian and Kazakh. The main goal of our paper is to show that the deviations in nominal number marking we come across in the texts of bilinguals are not arbitrary but motivated. They follow semantic strategies which are characteristic for speakers appealing to both systems at once. The paper argues that the violation of standard usage observed in the learner corpus can specify the rules governing Russian number usage which have been violated, even though the domain of number has been well described already.

Keywords: *semantics of grammar, Russian number, bilingualism, grammar of errors, Russian Learner Corpus*

1. ВВЕДЕНИЕ

Эта статья — о поведении числовых форм в русском языке. Их семантика и распределение когда-то становились сюжетом для блестящих лингвистических статей поколения наших учителей, прежде всего А.А. Зализняка, И.А. Мельчука, Е.В. Падучевой, А.К. Поливановой (Зализняк 1967; Падучева 1967, 1996; Зализняк, Падучева 1997; Mel'čuk 1979; Мельчук 1985; Поливанова 1983, 1997), и в их числе Анны Вежбицкой. Действительно, в центре одной из самых захватывающих дискуссий о том, в какой степени распределение числовых форм регулируется семантикой, была в свое время монография Анны Вежбицкой «The semantics of Grammar» (Wierzbicka 1988), получившая мировую известность. Мы надеемся, что сюжет о русском числе интересен ей и сегодня, и предложим свой, не вполне

стандартный, ракурс исследования реально действующих правил по распределению числовых показателей. Материалом для наших наблюдений будут отклонения от принятой нормы, которые обнаруживаются в числовых формах в текстах нестандартных носителей русского языка, в нашем случае билингов.

Как известно, подход к грамматике, который отталкивается от подобного рода отклонений в узусе, оказывается не только продуктивным, но и очень современным, хотя апеллирует он к традиции, заложенной больше 100 лет назад (Frei 1993) и известной под именем «Грамматика ошибок»¹. Это связано с новыми технологиями, которые уже прочно вошли в лингвистическую практику — а именно так называемыми учебными корпусами, содержащими тексты неканонических носителей — прежде всего изучающих данный язык, но также и билингов (Никунласси, Протасова 2014; Протасова 2014; Korneev & Protassova 2018).

Для русского языка таким новым инструментом изучения неисконной русской речи является Русский учебный корпус (RLC), разработанный Лабораторией по корпусным исследованиям Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и пополняемый учебными текстами в сотрудничестве с партнерами из разных стран. В основном корпус содержит тексты двух типов: это тексты студентов разного уровня, изучающих русский, и тексты так называемых эритажных носителей русского, унаследовавших этот язык от родителей, но живущих в другой языковой среде. Они представляют разные доминантные языки (в идеале — все возможные, но пока 15) — английский, французский, японский, нидерландский и др. в активном взаимодействии с русским в процессе порождения на нем текстов. Само это взаимодействие крайне нетривиально. Конечно, в первую очередь в нем задействованы механизмы интерференции — и прямого калькирования в русский из доминантного. Однако, как мы показали в (Рахилина 2014), причиной девиаций могут стать и более глубокие языковые закономерности. Бывает, что они приводят к порождению фрагментов, невозможных ни в одном из двух конкурирующих языков: ни в русском, ни в доминантном.

По многим своим характеристикам (морфологическим, синтаксическим, лексическим и др.) эти тексты отклоняются от современных норм русского языка. Исследование материала RLC (как и других таких корпусов) позволяет, отслеживая явные отклонения от действующей нормы, выявлять правила русского языка, которые в этом случае нарушаются. В том числе такая работа высвечивает и ту мини-грамматику, которая остается за бортом стандартных учебников русского как иностранного и в особенности русского как родного. Она апеллирует к частным, но с лингвистической точки зрения интересным, случаям сложного взаимодействия лексики и грамматики.

Наше небольшое исследование мы провели на относительно новом для RLC материале, а именно на текстах казахско-русских билингов больших городов

---

¹ Нельзя не вспомнить, что в свое время в традиционной русистике сформировались отдельные концепции и целые направления, для которых точкой отсчета стало именно изучение особенностей использования русского языка инофонами, ср., например, исследования «языка русского зарубежья» Е.А. Земской (Земская 2001а, 2001б) и др.

(в нашем случае — Алматы), использующих русский в своей повседневной жизни. Методически работа с ними никак не отличается от работы с текстами русского как иностранного или эритажного: они также позволят нам взглянуть на нюансы русской грамматики как бы со стороны, на этот раз со стороны казахского языка.

При этом на первый взгляд система русского числа, с его единственным грамматическим противопоставлением SG — PL, производит впечатление очень бедной и простой — по сравнению хотя бы с древнерусской, в которой присутствовало двойственное число — не говоря уже о более дробных системах (Corbett 2000; Мельчук 1998; Плунгян 2011). Будучи бедной, она кажется и достаточно хорошо семантически мотивированной и в этом смысле — тоже лишенной сложности для не-носителей. Между тем так же, на первый взгляд, просто устроена и система казахского — однако наблюдения за письменной речью студентов-казахов показывают, что использование русских числовых форм сопряжено для них с целым рядом трудностей, которые и будут представлять для нас главный интерес.

Итак, в основу данной статьи легла работа с включенными в Русский учебный корпус русскими текстами казахских студентов-билингвов в объеме около 60 тыс. слов. Все авторы текстов свободно говорят на русском языке, который в том числе изучается в школах и университетах Казахстана и активно поддерживается в билингвальной среде крупного города (Алматы). Прямое или косвенное влияние казахского в их текстах возникает прежде всего в определенных точках системы — как мы покажем, не вполне устойчивых и для русского. Замеченные в них эффекты прямого или косвенного калькирования (трансфера) можно рассматривать как ключи к поиску и описанию нетривиальной сочетаемости разного рода. Мы дадим этому небольшие иллюстрации — все они связаны с выбором числовых форм — и обсудим особенности их выбора, одновременно обращая внимание на частные свойства собственно русской числовой системы, которые обычно не бросаются в глаза при «внутриязыковом» описании.

Статья состоит из пяти разделов, помимо Введения. В первом мы коротко опишем систему казахского числа — как основу для последующего анализа. Во втором разделе мы рассмотрим морфологические примеры, где ожидается простое калькирование. В третьем обсудим случаи расхождения языков в отношении нестандартной семантики числа, связанной с передачей референциальных свойств имен. Четвертый раздел будет посвящен синтаксису — а именно отклонениям в субъектном согласовании глаголов по числу. В каждом разделе мы будем обращать внимание на соответствующий фрагмент русской системы, обнаруживая в ней внутренние, собственно русские корреляты, казалось бы, совершенно аграмматичным формам, присущим казахским текстам. В последнем, пятом разделе — в Заключение — мы подведем общие итоги.

2. КРАТКО О КАЗАХСКОМ ЧИСЛЕ

Прежде чем перейти к разбору конкретного материала, дадим очень краткую справку об особенностях распределения числовых форм в казахском языке. Сведения о казахской системе нужны нам для того, чтобы определить, в какой степени

отклонения от стандартной стратегии выбора числовых форм в русской речи билингов обусловлены влиянием конкурирующего казахского языка. Поэтому мы сосредоточимся только на ее наиболее явных отличиях от соответствующей категории русского языка и отметим следующие три обстоятельства.

(1) В казахском языке, как и в русском, категорию числа традиционно рассматривают как двучленную — основанную на противопоставлении единственного и множественного числа². Вместе с тем исходная форма казахского существительного (без показателя множественности) может соотноситься с идеей числа иначе, чем мы бы ожидали, исходя из правил русской системы. Действительно, она может не только выражать значение единичности и определенности (*бір адам* ‘один человек’), но и, например, входить в состав сочетаний со словами, выражающими количественные значения (как в: *қырық қасқыр* ‘сорок волков’ или: *бірнеше кітап* ‘несколько книг’ — букв.: ‘сорок волк’ / ‘несколько книга’) или обозначать парные предметы и органы (*аяғына етік ки* ‘надень на ноги сапоги’, букв. ‘на ногу сапог надень’). В связи с этим в литературе часто говорится о нейтральности исходной формы существительного по отношению к выражению числовых значений (Гузев, Насилов 1975: 98; Балақаев, Қордабаев, Хасенова, Ысқақов 1967: 54).

(2) Важной функцией формы без показателя множественности (и падежа), вытекающей из ее нейтральности по отношению к идее числа, является выражение нереферентности (Плунгян 2003: 137), см. также (Маманов 1989: 28; Бейсенбаева 1994: 68) и др., ср.: *би билеу* ‘танцевать’ (букв.: ‘танцевать <какой-либо> танец’), *кітап оқу* ‘читать’ (букв.: ‘читать <какую-либо> книгу’). Референтность маркируется формой с аффиксом множественности или формой винительного падежа, например: *Кітап-тар* (‘книга-PL’) *осында жатыр*. ‘Книги здесь лежат’ или: *Мен осы кітап-ты* (‘книга-ACC’) *оқыдым*. ‘Я эту книгу читал’. (Плунгян 2003: 287; Жұбаева, Тураева 2016: 368—373).

(3) В отличие от русского, в казахском почти нет согласования по числу: прилагательные не согласуются с определяемыми существительными (*қызыл алма* ‘красное яблоко’, букв.: ‘красный яблоко’ — *қызыл алманың* (GEN) ‘красного яблока’, букв.: ‘красный яблока’ — *қызыл алмалар* (PL) ‘красные яблоки’, букв.: ‘красный яблоки’), а глаголы в форме 3-го лица (в отличие от форм 1-го и 2-го лица) не согласуются со своим субъектом, ср.: *Ол* (‘он’-SG) *мектепке келді* (SG). Букв.: ‘Он в школу пришел’ VS. *Олар* (‘они’-PL) *мектепке келді* (SG). Букв.: ‘Они в школу пришел’.

Каждого из этих обстоятельств достаточно, чтобы стать влиятельным источником изменения стандартной русской нормы в тексте, написанном казахским билингом. Другими словами, механизмы калькирования, ответственные за «имитацию» казахской конструкции в русской речи (Wasserscheidt 2016: 82), должны работать прежде всего здесь. В следующих трех разделах мы последовательно проследим, насколько слаженно они работают и почему дают сбой.

² См. другие возможные интерпретации устройства категории числа в тюркских языках, например: (Гузев, Насилов 1975).

3. НЕЙТРАЛЬНОСТЬ НЕМАРКИРОВАННОЙ ФОРМЫ (SG) ПО ОТНОШЕНИЮ К ЧИСЛУ: ПРЯМОЙ ТРАНСФЕР

Следуя логике предыдущего раздела, можно было бы ожидать, что в корпусе будут примеры прямого трансфера, во-первых, в количественных группах — именных конструкциях с числительными типа *тридцать восемь попугаев* и, во-вторых, среди употреблений имен парных предметов и названий частей тела. Мы добавим к упомянутым еще один, третий, пункт: клише, в которых сохраняется числовое маркирование родного языка, и рассмотрим их последовательно.

Первый случай как будто бы иллюстрируют корпусные примеры (1—3):

- (1) *Она родила и вырастила 8 ребенок.*
- (2) *В семье дедушки **шесть мальчика** и одна девушка, самая младшая.*
- (3) *Надо учитывать тот факт что кроме меня в семье **5 ребенка**.*

Все они грамматически неправильны — но неоднородны. Действительно, (1) и в самом деле является точной копией единственно возможной в казахском языке модели NUM + NOM SG (*segiz бала* ‘восемь детей’, букв.: ‘восемь ребенок’) — в русском число должно быть множественным, а сама форма существительного — супплетивной: *8 ребенков* → *8 детей*. Иной интерпретации, кроме как прямое заимствование из казахского, тут, видимо, быть не может. Другие два примера (2—3) устроены несколько иначе. В них реализована попытка билингва использовать специальную русскую генитивную конструкцию с существительным в единственном числе — конструкцию «малого количества», ср. *четыре мальчика* (GEN SG). «Ошибка» билингва в том, что она используется расширительно. В стандартном русском она применима только к трем контекстам: с числительными *два, три* и *четыре*, а билингв по этому образцу строит сочетания с числительными *пять* и *шесть*. И хотя число существительного здесь единственное, как в казахском, мы не можем говорить здесь о прямом трансфере из казахского. Скорее, здесь прослеживается влияние другого, смежного фрагмента самой русской системы.

Вторая ожидаемая зона калькирования — парные части тела. Действительно, в русских текстах казахских студентов они часто кодируются единственным числом, как в казахском, тогда как грамматически правильной русской формой было бы множественное. Ср. характерный пример (4):

- (4) *Самое важное — это умение работать **рукой**.*

Ең маңызды-сы қол-мен жұмыс істе-й біл-у.

Самый важный-3.POSS **рука-COM** работа делать-CVB уметь-INF.

‘Самое важное — уметь работать **руками**.’, букв.: ‘Самое важное — **рукой** работу делая уметь.’

Другой похожий пример:

- (5) *Слова матери эхом долетали **до моего уха**...*

Ана-м-ның сөз-дер-і құлағ-ым-а жаңғырық-пен жет-іп жат-ты.

Мать-1SG.POSS-GEN слово-PL-3.POSS **ухо-1SG.POSS-DAT** эхо-COM достигать-CVB AUX-PST(3)

‘Матери слова **до моего уха** эхом достигали.’

В данном случае сомнений в том, что тут некоторое отклонение от обычного узуса, не возникает — все примеры НКРЯ на соответствующий запрос (с глаголом *долетать* и существительным *ухо*) выдаются с множественным числом, как в (6):

- (6) *Он и сам чуть ли не повергался то ли в смятение, то ли в сомнения всякий раз, когда случайно этот хохоток долетал до ушей.* [Василий Аксенов. Тайственная страсть (2007)]

Однако «казахская» модель обозначения парных органов единственным числом не чужда и русскому, ср. хотя бы конструкции уровня типа: *засучить рукава по локоть* (SG).

Исследователи русского числа предлагали в связи с этим рассматривать русские парные части тела как единый сложный объект и его части (ср. Арбатский 1954; Ляшевская 2004а). Это решение полностью соответствует духу семантических интерпретаций сочетаемости с граммемами числа в зоне овощей-фруктов, предложенных в свое время Анной Вежбицкой. По-видимому, именно это семантическое представление о парных объектах как единых сложных лежит в основе стратегии, доминантной для казахского. В русском оно же объясняет такие (преимущественно фразеологизованные) примеры с SG, как: *радовать глаз* (SG), *держат ухо остро*, *набить руку*, *подвернуться под руку*, *в ус не дуть* и т.д.

Конечно, сочетания типа **радовать глаза* (PL) или **набить руки* (PL) в русском невозможны, но в целом внутри этой фразеологизованной зоны стабильности нет: в некоторых сочетаниях такого рода уже распространена вариативность³, когда в одном контексте возможна и форма единственного, и форма множественного числа.

Ср. (7) как функционально тождественные примеры (изменение мимики как выражение эмоции — в частности, удивления) с *поднял бровь / брови* из одного и того же произведения одного и того же автора:

- (7) — *То есть? — поднял брови* Улл. — *Ну, выходит из туловища в тонком теле.* [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)]
Аполло поднял бровь.
— *Тебе все еще непонятно?* [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)]

В нашем корпусе встретилось только единственное число, пример (8).

- (8) *...она улавливает мое настроение с одного поднятия брови.*

Он полностью соответствует казахскому узусу:

- (8²) *Ол менің көңіл-ім-ді қимылда-ған қас-ым-нан біл-е-ді.*

³ Эти контексты требуют подробного исторического комментария. Действительно, их фразеологизованность говорит о том, что они отражают какой-то иной, более старый слой русской системы, когда парность продуктивно выражалась единственным числом. Однако ведь когда-то в русском имелось еще и двойственное число – ровно для этой цели. Поэтому последовательность изменений, которые происходили в этой лексической зоне, нуждается в строгой документации.

Он я:POSS настроение-1SG.POSS-ACC двигать-PST.PTCP **бровь-SG.POSS-ABL** знать-PRS-3

‘Он (здесь: она) мое настроение по поднятой **брови** знает.’

Тем не менее, ввиду вариативности в самом русском, калькой такой пример считаться не может.

Наконец, третий класс примеров в этом разделе: фразеологизованные конструкции за пределами частей тела. Нам встретилось два нетривиальных примера — со словом *граница* и со словом *дверь*. Первый содержит явное отклонение от нормы ввиду переинтерпретации *за границей*:

(9) *Есть люди которые живут за границами не понимая смысл слова дом но они когда нибудь узнают, как это — плохо жить далеко от дома.*

Природа такой переинтерпретации прекрасно описана в (Ляшевская 2004а: 178), где для объектов-линий (как *край*, *линия* или *граница*) вводится противопоставление *точечной* VS *широкой* локализации. Точечная локализация охватывает небольшой фрагмент линии, доступный для наблюдения говорящего, и маркируется SG, ср.: *за границей, на границе, по границе земельного участка, западная граница России*. Широкая локализация представляет линию как множество отдельных отрезков и, соответственно, соотносится с PL: *за границы / *границу дозволенного, на границах, границы земельного участка / России* и под. Как видим, в русском здесь происходят колебания в отношении числового маркирования — по семантическим причинам. С точки зрения носителя казахского, которому эта семантика незаметна, это просто вариативность: ведь в казахском значение ‘граница’ закреплено за *шекара*, а значение ‘заграница’ — за словом *шетел*, соответственно, ‘за границей’ — *шетелде* (LOC). Поэтому казахский билингв ведет себя здесь так, как если бы строгой нормы в русском просто не было. В данном случае такое его лингвистическое поведение высвечивает правила, которые уже описаны, например, в (Ляшевская 2004а) — но бывает и иначе.

Рассмотрим следующий корпусный пример со словом *дверь* (10):

(10) *Моя учительница в школе нам всегда говорила что я всегда делаю так что проблемы в школе оставляю у двери школы, чтобы дома было уютно и хорошо.*

Он отражает структуру посессивной конструкции казахского языка, в которой существительное *есік* ‘дверь’ стоит в единственном числе: *мектептің есігінің қасында* ‘у / возле **двери** школы’, тогда как в русском языке здесь естественно было бы использовать выражение *у дверей школы*, с множественным числом. При этом единственное число в родовом значении для *дверь* тоже используется, ср. хотя бы *стоял под дверью*. О.Н. Ляшевская (Ляшевская 2004а) связывает числовое варьирование такого рода с семантическим противопоставлением двери как проема / открытого пространства для входа и (результата метонимического переноса) двери как закрывающей его поверхности, ср. *ручка двери* VS. *широкие двери* или *застрясть в дверях*. Однако для объяснения (10) этого недостаточно: оказывается, в русском языке тут действуют и другие предпочтения. Данные основного корпуса НКРЯ подтверждают предположение о преимущественном использовании формы множественного числа в этом сочетании: *у двери школы*

не зафиксировано ни разу, однако при этом достаточно широко представлены примеры у *двери кельи / магазина / лифта / класса / кабинки / кабинета / дома / квартиры / сарая / кафе* и т.д.

Если искать семантический мотив в таком, на первый взгляд, непоследовательном распределении, нужно признать, что в нем отражается представление о прототипах разных видов зданий (помещений) и соответствующих им дверей. В частности, представление о прототипической школе, зафиксированное в русском языке, включает в себя образ распашных дверей.

Этот пример важен нам еще и с методической точки зрения: в той парадигме, которую задали работы Анны Вежбицкой, Игоря Александровича Мельчука, Анны Константиновны Поливановой и их последователей, контекстом числовой формы считается таксономический класс имени или его конкретный представитель. Следуя этой парадигме, мы говорим, что класс названий посуды или названий фруктов или имен веществ и проч. ведет себя так-то и так-то в отношении числа — или что слово, например, со значением ‘репа’ выступает как SG *tantum*, в отличие от другого представителя того же класса — скажем, ‘огурец’ — которое имеет обе числовые формы, но склонно к PL. Однако из нашего примера видно, что для описания числового поведения может понадобиться более широкий контекст, включающий имя объекта-целого (как здание / помещение для *дверь*), в тех случаях, когда сам по себе объект не задает типовой ситуации использования (или, в терминологии Московской лексико-типологической группы, фрейма, см. [Рахилина, Резникова 2013]).

Подводя итоги сказанному в этом разделе, обратим внимание, что, несмотря на ситуацию конфликта казахской и русской систем в тех точках, которые мы выбрали здесь для разбора (а именно, семантической нагруженности русских форм и «семантической пустоты» и обязательности некоторого способа числового маркирования [в наших случаях, как правило, SG] соответствующих им казахских), мы не наблюдаем ожидаемого в этом случае прямого (и сплошного) трансфера в речи казахских билингвов. Наши корпусные примеры отклонений от стандартной нормы касаются тех случаев, в которых мы наблюдаем вариативность в русской системе.

В следующем разделе мы рассмотрим более сложную ситуацию, в которой казахский числовой показатель семантически нагружен, а русский к этой семантике часто индифферентен — зато поддерживает иные семантические признаки и оппозиции.

4. ВЫБОР ЧИСЛОВЫХ ФОРМ И РЕФЕРЕНТНОСТЬ

Выбор форм единственного числа в нереферентном значении является регулярно повторяющимся явлением в русских текстах казахов-билингвов. Очевидно, что это прямое отражение конструкций родного языка, где, как мы уже говорили во Введении, форма без показателя множественности лишена количественного значения и во многих случаях выражает нереферентность именной группы. В русском языке, наоборот, отмечается «устойчивая связь между нереферентностью и множественным числом» (Плунгян 2003: 288), поэтому, как правило,

формы единственного числа в большинстве нереферентных контекстов кажутся в речи казахско-русских билингвов очевидным отступлением от правил стандартного русского языка. Ср.:

(11) *Побольше надо прочитать книгу* SG. [вместо: *Больше надо читать <книг PL>*]

(12) *И мы даже после урока* SG *проводим время вместе*. [вместо: *После уроков PL*].

Тем не менее, хорошо известно, что для русского это не общепринятое правило, действующее во всех без исключения контекстах: ведь в русском в определенных нереферентных контекстах допускается варьирование, ср. предложения типа (13—14):

(13) *Любите книгу* SG / *книги* PL [нереф] — *источник знаний*.

или:

(14) *Француз* SG [нереф] *всегда ответит комплиментом на комплимент*. / *Французы* PL [нереф] *всегда ответят комплиментом на комплимент*.

Таким образом, для казахских билингвов область нереферентных контекстов — это не только зона прямого трансфера, но и зона выбора в условиях вариативности нормы. Ср. пример (15), свидетельствующий о полной, если так можно сказать, «языковой растерянности» билингва перед проблемой выбора числового показателя в условиях языкового варьирования в русском и жесткой нормы в казахском:

(15) *В Талдыкоргане проживает различные наций. Например: казах* SG, *уйгур* SG, *татар* SG, *кореец* SG, *русские* PL, *узбеки* PL, *украинцы* PL, *немцы* PL *и другие*⁴.

(Заметим еще раз, что в казахском в подобных контекстах используются формы без показателя множественности *-лар*, ср. пример из (Бейсенбаева 1994: 67):

(16) *Бұл мекемеде қазақ, орыс, татар, ұйғыр, украин жұмыс істейді*. — ‘В этом учреждении работают казахи, русские, татары, уйгуры, украинцы.’)

Однако есть случаи, когда такая вариативность хорошо укладывается в уже описанные семантические правила в духе работы Анны Вежбицкой (Wierzbicka 1988), ср. прежде всего (Ляшевская 2004а, 2004б). Показательны в этом плане названия блюд. Ср. (17):

(17) *Она для меня всегда хранила всякие сладости, куртты*.

Этот пример показывает, как билингв решает проблему числового оформления слова *курт*⁵, «чужого» для русского языка. Курт — это национальная казахская еда, ср.: «*курть*, м. иногда *куртъ*, у башкирь, калмыковъ, киргизовъ,

⁴ Ср. здесь также фрагмент пушкинского стихотворения «Памятник» — давно устаревший, но для носителей зафиксированный как клише: *...всяк суций в ней язык... и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык*. С точки зрения сегодняшней нормы должно было бы быть что-то вроде: *все народы: и финны, и дикие тунгусы...*, то есть формы PL, а не SG. Отсюда следует, что эта норма не только варьирует в современном языке в зависимости от контекста, но еще и меняется почти на наших глазах.

⁵ В казахском языке имеется несколько омонимов *құрт*, различающихся между собой в том числе числовым поведением (Жанұзақов 2008: 546—547).

ноганцевъ и казаковъ: круто соленый, сухой сыръ, б.ч. овечій, въ стопочкахъ; его скребуть въ похлебки» (Даль 1979: 204). Соответственно, в русский оно заимствовано, а в казахском относится к разряду SG *tantum*. Специалисты по русскому числу считают, что в русской системе это слово должно вести себя подобно *мармеладу, зефиру, печеню* и т.д, то есть как «класс совокупностей, состоящих из изделий среднего размера» (Ляшевская 2004б: 102), которые оформляются единственным числом, ср. следующий пример:

- (18) *Девушки в национальных костюмах преподнесли гостям на подносах курт в красивых упаковках. Народная молва, притча о курте разошлась по всей степи.* [Память во имя будущего // «Родина», 2010]

Однако в примере (17) билингв «сочиняет» форму множественного, которая чужда обоим языкам. Ясно, что в этом случае он выбирает числовой маркер, имея в виду другую аналогию — с множеством «оформленных», то есть разнородных мелких объектов, завернутых, как конфеты, имеющих начинку, как вафли, и под., ср. (Ляшевская 2004б: 103). Для них в русском естественно множественное число, ср. *сладости, конфеты, вафли*.

Обратные примеры того же рода дают (19—21). Ср.:

- (19) *У них с бабушкой есть скоты.*
(20) *Сестренки и братишки играли с посудами и набирали воду с арыка, и ушли в другую сторону дома.*
(21) *Мы недавно сделали ремонт в доме, все обновили, и мебели новые купили и обои поменяли.*

Формально это трансфер из казахского: в казахском языке собирательные существительные могут приобретать формы множественного числа. По мнению известных специалистов по казахскому, множественное число в этом случае маркирует неоднородность обозначаемой совокупности предметов, наличие разновидностей, имеющих очевидные внешние различия (Балакаев, Қордабаев, Хасенова, Ысқақов 1967: 52; Жанпейісов 2002: 454; Гузев, Насилов 1975: 108) и др.: *мал* ‘скот’ — *малдар* ‘животные’, *жиһаз* ‘мебель’ — *жиһаздар* ‘предметы мебели’, *тағам* ‘еда, пища’ — *тағамдар* ‘блюда’. Таким образом, нельзя исключить, что в (19—21) формой множественного числа казахи-билингвы подчеркивают именно гетерогенность обозначаемых совокупностей.

Заметим, однако, что очень похожее правило, только для русского языка, мы упоминали только что, противопоставляя *мармелад* SG и *конфеты* PL: однородный объект VS. разнородные отдельные (то есть имеющие внешние различия) мелкие объекты. Однако область действия этого правила разная в наших двух языках: в русском ни мебель, ни посуда не «считаются» разнородными, и это создает своего рода область семантического варьирования (одна и та же совокупность может быть признана однородной и нет) и дополнительные трудности для билингва. Заметим, что и Анна Вежицкая называет понятия типа ‘мебель’, ‘одежда’, ‘посуда’ «размытыми», но все-таки относит соответствующие им существительные к «разнородным совокупностям объектов» (Вежицкая 2011: 101).

А теперь обратим внимание на пример (22). Он показывает, что идея разнородности как семантическая подоплека для выбора формы числа действительна

и за пределами привычных множеств еды, посуды или мебели и обращает внимание на прежде незаметное. Другими словами, это тот случай, когда корпусные «ошибки» позволяют вносить какие-то уточнения в систему правил распределения числа.

(22) *На всех праздниках и свадьбах она любила петь частушку* SG.

Неестественный в этом контексте для русского выбор формы единственного числа *частушку* — в русской речи казахского студента является явным трансфером из казахского, ср. каз.: *өлең* (SG) *айту* — ‘петь песню’. Этот тип трансфера похож на первые примеры в начале этого раздела статьи (11—12) и связан с неререферентностью ситуации. Так же, как в (11—12), по-русски здесь лучше всего было бы опустить объект — *она любила петь на свадьбах*, а если все-таки его нужно выразить, число будет множественным: *любила петь песни, романсы, арии из опер, частушки* и др. Обобщая, можно опять апеллировать к идее разнородности объектов, хотя уже несколько более абстрактных, чем мы до сих пор обсуждали.

Между тем, если чуть-чуть изменить описываемую ситуацию и представить себе ту же героиню, которая любила не петь, а танцевать, числовое распределение в соответствующем примере было бы уже совсем другим:

(22') *На свадьбах она любила танцевать вальс / польку / гопака / полонез...* SG.

Изменение формы существительного на множественное число в этом контексте категорически невозможно: **любила танцевать вальсы / польки...* — хотя разумеется, точно так же, как в (22), речь не идет об одной-единственной частушке или единственном романсе, который составлял ее репертуар, так и здесь, она танцевала под музыку разных вальсов и полек (то есть множество их было разнородно).

Узус билингва позволил нам уточнить формальную сторону небольшого фрагмента правила, касающегося форм русского числа. Осталось понять его природу. Представляется, что меньшая гомогенность ситуации пения, отраженная в маркировании множественным числом, может быть связана с сопутствующим музыке текстом: текст придает на слух индивидуальность каждой песне, точно так же, как обертка — конфетам. Танцы с примерно одними фигурами визуально различать гораздо сложнее, их различает тип музыки, так что каждый вид танца представляется как единая ситуация.

Наш последний пример, касающийся неререферентных контекстов и вариативности русского числа, кажется совершенно прозрачным. Он представляет собой фрагмент рассказа об очень строгой и грозной бабушке, которая имела смешную и милую особенность: она *боялась кошек* — это та самая формулировка, с помощью которой следовало бы выразить эту мысль по-русски, употребив, как мы и ожидаем, множественное число. А по-казахски в такой ситуации, как мы много раз говорили, естественно, наоборот, единственное. Рассказчик-билингв следует казахской модели — это типичный трансфер:

(23) *В молодости она была очень строгой свекровью. <...> Самое интересное то, что бабушка очень боится **кошки** и мы все ее дети, внуки, провнуки все, все, все боимся **кошки**.*

Конструкции с глаголом *бояться* многожды описаны в современной русской лексикологической традиции (ср., прежде всего (Зализняк 1983; Зализняк 2006), а также (Апресян 1995). В отношении форм числа существительных Анна А. Зализняк (Зализняк 2006: 84) отмечает, что они могут быть связаны с денотативным статусом и служить критерием для разграничения значений *бояться*₁ (конкретный существующий объект, возможно единственное число) и *бояться*₂ (нереферентный объект, множественное число). Однако причиной страха может быть не только физический объект — существующий или нет (в нашем случае кошка), но и событие или ситуация, причем «с точки зрения способности обозначать событие в контексте *бояться* противопоставление предметных и не предметных имен, а также других семантических классов существительных не играет определяющей роли» (там же: 83). Это замечание совершенно верно, однако с точки зрения числового маркирования противопоставление по предметности—не предметности как раз важно. Действительно, если для предметных имен важна презумпция существования (существующая и несуществующая кошка в отношении числа маркируются по-разному), то для имен ситуаций, таких как *обман* или *встреча*, в контексте глагола *бояться* она нерелевантна: поскольку нельзя бояться уже случившегося события, а можно только того, которое случится в будущем, оно всегда нереферентно. При этом число для соответствующего не предметного имени возможно и единственное, и множественное: *боялся обмана* SG (родовое, генерическое употребление, ср.: *боялся обмана, а не ограбления*) / *боялся обманов* PL (множественное событие). Получается, что в контексте *бояться* предметное имя семантически дефектно в отношении числа: кажется, что в русском нет опции выразить страх перед обобщенным котом, что-то вроде: **он почему-то больше боялся кошки, а не льва*. Средство выразить этот смысл (SG) уже «занято» под референтные объекты.

На самом деле это не совсем так. В русском тоже можно найти употребления такого рода — просто чтобы стать грамматически правильными, такие предложения с *бояться* должны быть устроены более сложно: с помощью дополнительного контекста, эксплицитно указывающего некоторое свойство данного предмета «переводить» референтное предметное имя в нереферентное имя свойства. Ср., например:

(24) *Я не боюсь **собаки** в квартире.*

Это предложение омонимично: в первом значении оно имеет в виду конкретного страшного зверя, запертого в квартире, а во втором — генерическое понимание, полностью аналогичное *боялся обмана* — которого нам так не хватало для контекста с *кошкой*. Говорящий не боится домашней собаки как вида, дворовая собака, возможно, его пугает еще меньше.

Принимая такой анализ, мы признаем и в этой зоне некоторую неустойчивость внутри самого русского языка. С одной стороны, такая неустойчивость говорит о неоднозначности языковой стратегии русского в отношении числового маркирования референтности—нереферентности, а с другой, не исключено, что она может в каких-то случаях даже оказывать влияние на лингвистическое поведение билингвов, которые все-таки достаточно хорошо владеют этим языком.

5. СОГЛАСОВАНИЕ ПО ЧИСЛУ

В этом небольшом разделе мы коснемся интерференции русского и казахского в такой зоне числового маркирования, которая кажется областью чисто синтаксического расхождения между ними: это глагольное согласование по числу. Как мы помним (см. раздел 1), в казахском языке нет согласования по числу между субъектом и предикатом, выраженным глаголом 3-го лица, поэтому здесь тоже естественно ожидать от двуязычных носителей потока системных «ошибок». Такие случаи в анализируемых текстах действительно встречаются часто, причем представлены все варианты отклонений: и единственное число глагола при подлежащем со значением множества (25), и множественное число глагола — при единичном субъекте (26), и смешение разных форм при сочинении: как правило, сначала идет грамматически правильная, а затем «ошибочная» (27—28):

- (25) *Интересные рассказы, все жизненные истории (PL) **воспитывает** (SG) нас.*
- (26) *Она всегда говорит, что работа (SG) **не делятся** (PL) работу мальчика или девочки.*
- (27) *Я никогда не видела бабушку злой, она SG всегда **улыбается** (SG), **балуют** (PL) нас.*
- (28) *<...> два разных противоположных людей в жизни **встретились** (PL) и еще живут (PL) вместе, **воспитывает** (SG) общих детей.*

Однако согласование в русском языке также не всегда следует единой стратегии, см. (Граудина, Ицкович, Катлинская 1976; Русакова 2013) и мн. др. В ситуациях нетривиального выбора числовой формы предиката сугубо синтаксическая задача согласования может превратиться в семантическую, а значит слишком сложную для нестандартного носителя языка: ведь для него выбор, не ограниченный формальными поверхностными правилами, всегда выглядит как свободное варьирование. Мы приведем здесь пример такого рода, подсказанный нашим корпусом. Однако, видимо, таких случаев в русском больше, и они нуждаются в последовательной инвентаризации и полном описании — как для сугубо практических, педагогических, целей, так для лингвистической теории.

Рассмотрим следующее предложение из сочинений про бабушку:

- (29) *С тех пор у бабушки **болят** (PL) сердце и ноги.*

Это конструкция со сложно устроенным, множественным, но «семантически распределенным» субъектом, который состоит из единичного предмета и множества (в данном случае пары).

Поверхностно она оформляется сочинением. В общем случае глагольное согласование в ней может идти как по единственному числу — если единичный объект следует первым и оказывается выделенным для говорящего, либо по множественному — если первым следует множество или если все распределенное множество-субъект воспринимается как единое, независимо от последовательности, в которой перечисляются его составляющие. Действительно, мы говорим и (30), и (31); ср. также (32—33):

- (30) *Пришла (SG) Маша (SG) и дети = ‘пришла [Маша] и <пришли> дети’*

- (31) *Пришли* (PL) *Маша и дети* = ‘пришли [Маша и дети]’
 (32) а. *Жил* (SG) *дядя* (SG) *и две его жены*.
 б. *Жили* (PL) *дядя* (SG) *и две его жены*.
 (33) а. *Пропала* (SG) *собака* (SG) *и кошки*.
 б. *Пропали* (PL) *собака* (SG) *и кошки*.

Однако в болевой конструкции типа (29) доминирующим неожиданно оказывается согласование по единственному, а не множественному числу, как если бы части тела человека в отношении боли не могли бы «складываться» в единое множество: каждая из них болит по-своему, сердце одним образом, а ноги — другим. Ср. (34) и (35): ни в том, ни в другом случае множество не воспринимается как гомогенное, в отличие от (31) и (32—33b):

- (34) *Болит* (SG) *сердце* (SG) *и ноги* (PL) = ‘болит [сердце] и <болят> [ноги]’,
 (35) *Болят* (PL) *ноги* (PL) *и сердце* (SG) = ‘болят [ноги] и <болит> [сердце]’

Такая асимметрия в согласовании по числу наблюдается и за пределами названий частей тела. Судя по предварительному анализу НКРЯ, прежде всего она касается бытийных контекстов с разнородными сущностями, причем как собственно с глаголом *быть*, так и с его квазисинонимами, ср. (36—37), а также фрагменты примеров НКРЯ с другими предикатами бытийной семантики (38):

- (36) *У «благодетельного барина» была* (SG) [**были*] *барыня* (SG) *и дети* (PL). [П.П. Бажов. Очерки. Уральские были (1923—1924)]
 (37) *В день открытия выставки у меня был* (SG) [**были*] *спектакль* (SG) *и репетиции* (PL). [В.В. Полонская. Последний год (1938)]
 (38) *жил* [*жили*] *Христос и апостолы; хранилось* [**хранились*] *добро и деньги; показала* [**показались*] *полиция и солдаты; состоялась* [**состоялись*] *елка и танцы; сзади <...> осталась* [**остались*] *улица и преследователи; почувствовалось* [**почувствовались*] *волнение и слезы; пошло* [**пошли*] *шушуканье и переговоры; сохранялась* [**сохранились*] *ризица и книги и под*.

Понятно, что сами по себе распределенные сочинительные конструкции не так уж часты, а еще реже встречаются более сложные семантические конфигурации внутри них, о которых мы говорим, поэтому пока они не привлекали особого внимания и практически не затронуты ни в (Санников 2008), ни в (rusgram.ru), да и в (Русская грамматика 1982) описаны как простая вариативность⁶, а это, как показывает работа с текстами билингов, существенно огрубляет настоящее положение дел.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучая учебные тексты разных категорий говорящих, мы продолжаем типологические исследования, столь близкие творчеству Анны Вежбицкой, только с другим инструментарием. В этих текстах языковые стратегии сталкиваются

⁶ Ср.: «Если место подлежащего занято закрытым рядом, объединяющим формы ед. и мн. ч. или только ед. ч., то в сказуемом возможно колебание, однако предпочитается форма мн. ч.: *К берегу бежали/бежал Ваня и Коля; <...> К берегу бежали/бежал Ваня и другие мальчики; По ту сторону прилавка... возвышались хозяин и хозяйка* (Олеша; / *возвышался*); <...> *В этом были свой расчет и хитрость* (Симон.; / *был*)». (Русская грамматика 1982: 244).

напрямую — потому что становятся предметом выбора человека, который в той или иной степени владеет обеими. То, как он действует в этих условиях, во многом определяется степенью владения каждым из языков и уровнем погружения в них. Наша область лингвистического интереса — это конструкции (Рахилина 2014, 2015; Polinsky, Rakhilina & Vyrenkova 2016), они связывают материал самой разной природы — морфологический, синтаксический, семантический и лексический.

Обобщая (и, как это всегда бывает) несколько упрощая результаты этих исследований, можно сказать, что изучающие язык (или L2-говорящие начального и среднего уровня) чаще всех апеллируют здесь к стратегии калькирования, повсеместно используя модели родного языка как образец. Так называемые эритажные говорящие (или, иначе, несбалансированные билингвы), которые восприняли язык в детстве, а потом утратили его под давлением доминантного, наиболее креативны в отношении родного языка — они легко составляют несуществующие конструкции, составляя их из фрагментов двух языков или опираясь на общие семантико-синтаксические правила, впрямую не действующие ни в одном языке.

Теперь мы столкнулись с еще одним типом нестандартных говорящих — так называемыми сбалансированными билингвами, с детства живущими в окружении двух языков. Общая задача, которую мы решаем в серии работ (Рахилина 2014, 2015, 2016; Polinsky, Rakhilina & Vyrenkova 2016), — сравнение их языкового поведения в сопоставлении с первыми двумя группами говорящих.

В этой работе мы выбрали небольшой фрагмент из довольно обширной зоны числа специально сосредоточившись на трех точках, — таких, в которых системы русского и казахского очевидно расходятся при выборе числовых маркеров: выражение парности, отражение референтности, согласование. Во всех этих точках мы наблюдали следующее.

Билингв действительно калькирует способ маркирования с родного языка, очевидно, что эта стратегия ему ближе. Однако если задуматься — правда ли в русском «так нельзя сказать?» и углубиться в узус собственно русских форм, то в каждой из этих точек можно обнаружить случаи колебания нормы внутри русского языка или параллельного действия разных правил, причем часто, как выясняется, в выборе участвует (и даже иногда побеждает) и «казахская» стратегия. Так, парность объектов иногда выражается формой единственного числа (как в казахском), а не множественного (как обычно в русском). То же касается случаев нереперентности имен — нереперентность, которая как ожидается, должна маркироваться в русском множественным, вдруг оказывается в корреляции с единственным (точно как это было бы в казахском).

Любопытна и ситуация с казалось бы асемантичным согласованием по числу: в русском оно есть, в казахском — нет. На самом деле за этим формальным правилом стоят две простые стратегии: язык либо дублирует семантически нагруженное именное число в глаголе (как это делает русский), либо довольствуется одним семантически наполненным маркером. Ср. симметричную ситуацию с итеративными контекстами: итеративность может выражаться лексически, наречиями типа

‘всегда’ или ‘каждый раз’, и либо дублируется в глаголе (ср. необходимый в таких контекстах несовершенный вид в русском), либо не дублируется (как, например, в английском). В то же время на периферии есть области, где выбор числового маркера сложнее, например в случае, когда подлежащее соответствует распределенной группе объектов, которые представляют разные сущности. Тогда такой выбор вовсе неоднозначен, в том числе и для казахского носителя.

В практическом отношении это означает, что встреча с отклонениями в речи нестандартных носителей от принятого узуса стимулирует нас исследовать границы возможного в исследуемом языке — и благодаря этому мы находим дополнительные правила русского языка. Даже в такой хорошо исследованной области, как числовое маркирование, добавляются частные правила нестандартного поведения парных слов (как *дверь/двери* и др.), особые контексты нерезферентности (как, например, *бояться*), случаи сложного согласования (в контексте бытийных глаголов или глагола *болеть*).

В теоретическом отношении это означает то, что в самом русском всегда есть обе противоположные стратегии — и «русская», и «казахская»: одна основная, другая — периферийная. Не исключено и то, что билингву эта двойственность русского даже в каком-то объеме доступна, то есть что он слышал формы и сочетания, похожие на те, которые он использует в казахском, но это даже не так важно. Важно, что такая ситуация может возникнуть только при естественной семантической мотивированности каждой из стратегий, которую мы наблюдали во всех рассмотренных здесь случаях и о которой одной из первых заговорила Анна Вежбицкая в своих работах. Семантически мотивированное расхождение системы — это одновременно и точка ее роста, потенциал ее изменения: в прошлом, будущем или в речи нестандартного носителя.

© Е.В. Рахилина, А.К. Казкенова, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян В.Ю. Бояться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. Москва, Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. С. 60—66. [Apresyan V. Yu. (2004). *Boyat'sya*. In: Apresyan Yu. D. (ed.) (2004) *New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms*. (2-nd edition). Moscow, Wien: *Yazyki slavyanskoi kul'tury, Venskii slavisticheskii al'manakh Publ.* (In Russ.)]
- Арбатский Д.И. Значения форм множественного числа имен существительных в современном русском литературном языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. [Arbatskii, D. I. (1954). *Znacheniya form mnozhestvennogo chisla imen sushchestvitel'nykh v sovremennom russkom literaturnom yazyke* (Meanings of plural forms of nouns in Russian). Dissertation for the degree of Candidate of philological sciences. Moscow. (In Russ.)]
- Бейсенбаева К.А. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Алматы: Ана тілі, 1994. 240 с. [Beisenbaeva, K. A. (1994). *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i kazakhskogo yazykov* (Comparative Grammar of Russian and Kazakh). Almaty: *Ana tili*. (In Russ.)]

- Вежбицкая А. Прототипы и инварианты (пер. с англ.) // Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 91—124. [Wierzbicka, A. (2011). Prototypes and invariants. In *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty* (Semantic universals and basic concepts). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (In Russ.)]
- Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 3—19. [Vyrenkova, A. S., Polinskaja M. S., Rakhilina, E. V. (2014) Grammar of errors and Construction Grammar: The case of «heritage Russian». *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 3—19. (In Russ.)]
- Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. М.: Наука, 1976. 456 с. [Graudina, L. K., Itskovich, V. A., Katlinskaya, L. P. (1976). *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoi rechi* (Grammatical correctness of Russian speech). Moscow: Nauka (In Russ.)]
- Гузев В.Г., Насилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания, 1975, № 3. С. 98—111. [Guzev, V. G., Nasilov, D. M. (1975). K interpretatsii kategorii chisla imen sushchestvitel'nykh v tyurkskikh yazykakh (Some views on the category of noun number in the Turkic languages) *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 98—111. (In Russ.)]
- Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 372 с. [Zaliznyak, A. A. (1967). *Russkoe imennoe slovoizmenenie* (Russian nominal morphology). Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Зализняк А.А., Падучева Е.В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 7—14. [Zaliznyak, A. A., Paducheva, E.V. (1997). O kontekstnoi sinonimii edinstvennogo i mnozhestvennogo chisla sushchestvitel'nykh (On the contextual synonymy of the singular and plural of nouns). In *Semiotics and Informatics*, 35, 7—14. (In Russ.)]
- Зализняк Анна А. Семантика глагола *бояться* в русском языке // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1983, Т. 42. № 1. С. 59—66. [Zaliznyak, Anna A. (1983). Semantika glagola *boyat'sya* v russkom yazyke (The semantics of the verb *boyat'sya* in Russian). *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 42, 1, 59—66. (In Russ.)]
- Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы её представления. М.: Языки славянской культуры, 2006. 672 с. [Zaliznyak Anna A. (2006). *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* (Polysemy in the language and ways of their description). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (In Russ.)]
- Земская Е.А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. 2001а. № 1. С. 114—131. [Zemskaya, E. A. (2001a). Yazyk russkogo zarubezh'ya: itogi i perspektivy issledovaniya (The Russian language abroad: results and prospects of research). *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 114—131. (In Russ.)]
- Земская Е.А. Умирает ли язык русского зарубежья? // Вопросы языкознания. 2001б. № 1. С. 14—30. [Zemskaya, E. A. (2001b). Will the Russian language abroad really die? *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 14—30. (In Russ.)]
- Инструментарий русистики. Ошибки и многоязычие / ред. А. Никунласси, Е. Протасова. *Slavica Helsingiensia* 45. Helsinki: University of Helsinki, 2014. 319 с. [Nikunlassi, A & Protassova E. (eds) (2014). Instrumentarii rusistiki. Oshibki i mnogoyazychie (Instrumentation of Russian Studies. Errors and multilingualism). *Slavica Helsingiensia* 45. Helsinki: University of Helsinki Publ. (In Russ.)]
- Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004а. 400 с. [Lyashevskaya, O. N. (2004a) *Semantika russkogo chisla* (The Semantics of the Russian Number). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (In Russ.)]

- Ляшевская О.Н. О семантической числовой парадигме имен существительных (названия пищи в русском языке) // Вопросы языкознания, 2004б, № 1. С. 79—106. [Lyashevskaya, O. N. (2004b). On the semantic numerical paradigm of nouns (food names in Russian). *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 79—106. (In Russ.)]
- Маманов И. Казахский язык. 2-е изд. Алма-Ата: Мектеп, 1989. 176 с. [Mamanov, I. (1989). *Kazhskhskii yazyk (Kazakh language)*. (2-nd ed.). Almaty: Mektep. (In Russ.)]
- Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Вена: Венский славистический альманах, 1985. 510 с. [Mel'čuk, I. A. (1985). *The Surface Syntax of Russian Numeral Expressions*. Vienna: Wiener Slawistischer Almanach Publ. (In Russ.)]
- Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. II (пер. с франц.). М. — Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998. 544 с. [Mel'čuk, I. A. (1998). *Kurs obshchei morfologii (Course of general morphology)*. V. II. Moscow — Vienna: Yazyki slavyanskoi kul'tury, Wiener Slawistischer Almanach Publ. (In Russ.)]
- Многоязычие и ошибки / Под ред. Е. Протасовой. Берлин: Реторика, 2014. [Protassova, E. (ed) (2014). *Mnogoyazychie i oshibki (Multilingualism and Errors)*. Berlin: Retorica. (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Два подхода к семантическому анализу категории числа // To Honor for R. Jakobson. II. The Hague — Paris: Mouton, 1967. С. 14—78. [Paducheva, E. V. (1967). *Dva podkhoda k semanticheskomu analizu kategorii chisla (Two approaches to the semantic analysis of the number)*. In To Honor for R. Jakobson. II. The Hague — Paris: Mouton (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с. [Paducheva, E. V. (1985). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (Statement and its correlation with reality)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Перевод с англ., ответственный редактор М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 412 с. [Paducheva, E. V. (1996). *Fenomen Anny Vezhbitskoi (The phenomenon of Anna Wezhbitskaya)*. In Krongauz, M. (ed.) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie. (Language. Culture. Cognition)*. Moscow: Russkie slovari (In Russ.)]
- Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. 2-е изд., испр. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 384 с. [Plungyan, V. A. (2003). *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku (General morphology: Introduction to the problematics)*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)]
- Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с. [Plungyan, V. A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira (Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world)*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russ.)]
- Поливанова А.К. Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1981 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1983. С. 130—145. [Polivanova, A.K. (1983). *Vybor chislovykh form sushchestvitel'nykh v russkom yazyke (Selecting numeric forms of nouns in Russian)*. In Grigor'ev, V. P. *Problemy strukturnoi lingvistiki 1981 (Problems of structural linguistics 1981)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Поливанова А.К. Языковые аномалии: условие корректности // *Studia linguarum*. М.: РГГУ, 1997. С. 213—251. [Polivanova, A. K. (1997). *Yazykovye anomalii: uslovie korrektnosti (Language anomalies: the condition of correctness)*. *Studia linguarum*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russ.)]
- Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с. [Rakhilina, E. V. (2008). *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetayemost' (Cognitive analysis of names of objects: semantics and combinability)*. Moscow: Russkie slovari. (In Russ.)]

- Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 584 с. [Rakhilina, E. V. (ed.) (2010). *Lingvistika konstruktssii* (Construction Linguistics). Moscow: Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik» (In Russ.)]
- Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3—31. [Rakhilina, E. V., Reznikova, T. I. (2013). Frame-based approach to lexical typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 3—31. (In Russ.)]
- Рахилина Е.В. Грамматика ошибок: в поисках констант // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. М.: Алетейя, 2014. С. 87—95. [Rakhilina, E. V. (2014). *Grammatika oshibok: v poiskakh konstant* (Grammar of errors: in the search for constants). In *Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika* (Language. Constants. Variables. In memory of Alexander E. Kibrik). Moscow: Aleteiya (In Russ.)]
- Рахилина Е.В. Степени сравнения в свете русской грамматики ошибок // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015, № 6. С. 310—333. [Rakhilina, E. V. (2015). Russian Comparative Constructions in the Aspect of Error Grammar. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 6, 310—333. (In Russ.)]
- Рахилина Е.В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // Русский язык за рубежом. 2016, № 3. С. 20—25. [Rakhilina, E. V. (2016). Russian Learner Corpus as a New Tool of Grammatical Description of Russian. *Russian Language Abroad*, 3, 20—25. (In Russ.)]
- Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянских культур, 2013. 568 с. [Rusakova, M. V. (2013). *Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo yazyka* (Elements of the anthropocentric grammar of the Russian language). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (In Russ.)]
- Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. II. М.: Наука, 1982. 710 с. [Shvedova, N. Yu. (ed.) (1982). *Russkaya grammatika*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с. [Sannikov, V. Z. (2008). *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* (Russian syntax in the semantic-pragmatic space). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (In Russ.)]
- Балақаев М., Қордабаев Т., Хасенова А., Ысқақов А. *Қазақ тілінің грамматикасы. Морфология*. I. Алматы: Ғылым, 1967. 264 б. [Balaqaeu, M., Qordabaev, T., Khasenova, A., Ysqaqov, A. (1967). *Qazaq tilinin' grammatikasy. Morfologiya* (Kazakh language grammar. Morphology). I. Almaty: G'ylym. (In Kazakh)]
- Жұбаева О., Тураева А. Анықтық / танықтық функционалды-семантикалық өрісі // *Жұмсалымды грамматика / Жауапты редактор С. Құлманов*. Алматы: Мемлекеттік тілді дамыту институты, 2016. 347—386 б. [Zhubaeva, O., Turaeva, A. (2016). *Anyqtyq / tanyqtyq funktsionaldy-semantikalyq o'risi* (Functional-semantic field of definiteness and indefiniteness). In Qulmanov, S. (ed.) *Zhumsalymdy grammatika* (Functional grammar). Almaty: Memlekettik tildi damyту instituty Publ. 347—386. (In Kazakh)]
- Қазақ грамматикасы. Фонетика, сөзжасам, морфология, синтаксис / Жауапты редактор Е. Жанпейісов*. Астана: Астана полиграфия, 2002. 784 б. [Zhanpeiisov, E. (ed.) (2002). *Qazaq grammatikasy. Fonetika, so'zhasam, morfologiya, sintaksis* (Kazakh grammar. Phonetics, word formation, morphology, syntax). Astana: Astana poligrafiya. (In Kazakh)]
- Corbett, Greville.G. (2000). *Number*. Cambridge.
- Mel'čuk, Igor (1979). "Countability" vs. "Non-countability" and Lexicographic Description of Nouns in Russian. In *Papers from the XVth Regional Meeting of the CLS*. Chicago: University of Chicago, 1979, 220—227.

- Frei, Henri (1993). *La grammaire des fautes*. Genève — Paris: Slatkine Reprints. (In French)]
- Korneev, Aleksei & Protassova, Ekaterina (2018). Measuring bilingual literacy: challenges of writing in two languages. In Kopotev, M., Lyashevskaya, O & Mustajoki, A. (eds.) *Quantitative Approaches to the Russian Language*. London: Routledge, 177—196.
- Mustajoki, Arto, Protassova, Ekaterina & Vakhtin, Nikolai (2010). *Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approach to non-standard Russian*. Helsinki: Helsinki University Press.
- Polinsky, Maria, Rakhilina, Ekaterina & Vyrenkova, Anastasia (2016). Linguistic creativity in heritage speakers. *Glossa*, Vol. 43, 1—29. DOI: 10.5334/gjgl.90.
- Wasserscheidt, Philipp (2016). Construction Grammar and Code-Mixing. In M. Reif & Ju. A. Robinson (eds) *Cognitive Perspectives on Bilingualism*. Boston/Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2016, 65—91. DOI: 10.1515/9781614514190-006.
- Wierzbicka, Anna (1988). *The Semantics of Grammar*. Amsterdam.

Словари и интернет-ресурсы / Dictionaries and Internet Recourses

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1—4. М.: Русский язык, 1979. Т. 2. И—О. 779 с. [Dal', V. I. (1979). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Moscow: Russkii yazyk (In Russ.)]
- Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 28.03.2018). [Russian National Corpus. Retrieved from: www.ruscorpora.ru. Accessed on 28.03.2018.]
- Проект корпусного описания русской грамматики. URL: www.rusgram.ru (дата обращения: 28.03.2018) [Project of corpus-based grammar of Russian. Retrieved from: www.rusgram.ru. Accessed on 28.03.2018.]
- Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Жалпы редакциясын басқарған Т. Жанұзақов. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 968 б. [Zhanuzaqov, T (ed) (2008) *Qazaq tilinin' tu'sindirme so'zdigi* (Explanatory dictionary of Kazakh language). Almaty: Daik-Press. (In Kazakh)]

ПРИМЕЧАНИЯ

1 — 1-ое лицо, 3 — 3-е лицо, ABL — исходный падеж, ACC — винительный падеж, AUX — вспомогательный глагол, COM — совместный падеж, CVB — деепричастие, DAT — дательного-направительный падеж, GEN — родительный падеж, INF — инфинитив, LOC — местный падеж, NOM — именительный падеж, NUM — имя числительное, PL — множественное число, POSS — притяжательность, PRS — настоящее время. PST — прошедшее время, PTCP — причастие, SG — единственное число.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 марта 2018

Дата принятия к печати: 27 апреля 2018

Article history:

Received: 28 March 2018

Revised: 20 April 2018

Accepted: 27 April 2018

Для цитирования:

Рахилина Е.В., Казкенова А.К. Заметки о русском числе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 3. С. 605—627. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-605-627.

For citation:

Rakhilina, Ekaterina and Kazkenova, Aimgul. Notes on Russian Number. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 605—627. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-605-627.

Сведения об авторах:

РАХИЛИНА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА — доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в.н.с. Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, Россия). *Сфера научных интересов*: семантика, лексикология, когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика, лексическая типология, языковая интерференция, микродиахрония.

Основные публикации: *Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке)*. München: Sagner, 1990; *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. М.: Помовский и партнеры, 1993 (соавторы А.Н. Баранов, В.А. Плунгян); *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М.: Русские словари, 2000; М.: Азбуковник, 2010, изд. 2, испр. и доп.; *Лингвистика конструкций*. М.: Азбуковник, 2010.

Контактная информация: rakhilina@gmail.com

КАЗКЕНОВА АИМГУЛЬ КАИРБЕКОВНА — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алматы, Казахстан). *Сфера научных интересов*: языковые контакты, языковая номинация, преподавание русского языка. *Основные публикации*: Мотивированность заимствованного слова (на материале современного русского языка) // *Вопросы языкознания*, 2003, № 5. С. 72—80; К вопросу о грамматическом освоении глаголов с заимствованной основой в разнотипных языках (на материале русского и уйгурского языков) // *Вопросы языкознания*, 2012, № 2. С. 109—118 (соавтор — Арзиев Р.У.); *Онтология заимствованного слова*. М.: Флинта: Наука, 2013.

Контактная информация: aimgul.kazkenova@mail.ru

Bionotes:

EKATERINA V. RAKHILINA — Professor at National Research University Higher School of Economics, Head of the School of Linguistics, and Leading Researcher at the Vinogradov Institute for Russian Language (Russian Academy of Sciences). Her research interests include semantics, lexicology, cognitive linguistics, corpus linguistics, lexical typology, language interference, microdiachrony. Key publications: *Semantics or syntax? (Answering WH-questions in Russian)*. Munich: Sagner, 1990. *Guide in Russian discourse words* (co-authored with A. N. Baranov and V. A. Plungian). Moscow: Pomowsky & partners, 1993. *Cognitive analysis of names of objects: semantics and combinability*. Moscow: Russkie slovani, 2000 *Linguistics of constructions*. Moscow: Azbukovnik, 2010.

Contact information: rakhilina@gmail.com

AIMGUL K. KAZKENOVA — Associate Professor at Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan). Her main research interests are: language contact, language nomination, teaching of the Russian language. Key publications: Motivation of loan-words // *Voprosy Jazykoznanija*, 2003, 5, 72—80; On grammatical adaptation of verbs with borrowed stems in typologically divergent languages (case studies of Russian and Uyghur) // *Voprosy Jazykoznanija*, 2003, 5, 109—118 (co-authored with R. Arziev); *Ontologiya zaimstvovannogo slova* [Ontology of the borrowed word]. Moscow, 2013.

Contact information: aimgul.kazkenova@mail.ru

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах»).

Авторы выражают благодарность Рашиде Тауекеловне Касымовой за помощь в сборе и разметке студенческих текстов, а также Бауыржану Нургалиеву за помощь в переводе фрагментов данных текстов с русского языка на казахский.

Участие авторов: Рахилина Е.В. — концепция и дизайн исследования, интерпретация материала, текст; Казкенова А.К. — сбор, обработка и интерпретация материала, текст, техническое оформление текста.

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 16-18-02071 “Marginal Russian: An assessment of the difficulty of comprehension of Russian texts in theoretical, experimental and statistical aspects”).

The authors thank Rashida Kassymova for help in data collection and tagging of the students’ texts and Bauyrzhan Nurgaliyev for help with translation of fragments of these texts from Russian to Kazakh.

Authors’ participation in the study: Ekaterina Rakhilina — concept and design of the study, data interpretation, text; Aimgul Kazkenova — data collection, processing and interpretation, text, text layout.